

80-летие со дня рождения А. М. Горького

Гений мировой культуры

Максим Горький — один из тех гениев мирового искусства и культуры, творческая жизнь которых создает эпоху; над словом и делом их не властна смерть. Вглядываясь в богатейшее литературное наследие писателя, мы видим, какое решающее значение имел для Горького, для его творческого пути, ленинизм, героическая работа нашей партии. Ленин и Сталин направляли его творчество и заботливо помогали великому художнику изживать его временные ошибки и заблуждения.

Советский народ широко отмечает восьмидесятилетие со дня рождения Алексея Максимовича Горького. И при жизни его время, казалось, было не властно над Горьким: он не старился с годами, а молодел. Так говорил Горький и сам, когда ему исполнилось 60 лет. Во время большого своего путешествия по Советскому Союзу в начале 30-х годов он увидел молодую, скачкообразно растущую страну социализма. Вместе с ней как бы молодел и он, певец освобожденного труда. Горький называл себя тогда счастливым человеком. На его преображенной Родине воплощались в жизнь, осуществлялись лучшие мечтания его молодости, лучшие надежды, которыми жил этот великий художник, неутомимый борец за счастье человечества.

Никто из великих писателей не испытывал в своей жизни, не переживал всем своим существом так, как Максим Горький, народного горя, потрясающей нужды, нечеловеческих лишений, на которые обречен человек труда в страшном мире капитализма.

Никто из крупных писателей, — говорил В. М. Молотов в день похорон Горького, — «даже просто не видел своими глазами столько замученных полновольным трудом и забытых гнетом капитала, как наш Горький, у которого все это вывало непереносимость и революционную ненависть к капиталистическому строю и беззаветную веру в освободительную силу коммунизма».

В бессмертных горьковских произведениях с потрясающей силой показано, как втаптывает капитализм в грязь лучшие, самые чистые человеческие чувства и отношения, превращая их в предмет циничной торговли и барыша.

Отрабленное капитализмом детство — постоянная тема Горького, раскрытая с беспощадной силой искусства в галлерее детских горьковских образов.

Никто в мировой литературе не выступал с такой силой любви к человеку, как выступал Горький. Но его страстный гуманизм — это не прощение за оскорбленных, не мольба о жалости к униженным, не бесстрастный укор в постыдном равнодушии к человеческому страданию.

Социалистический гуманизм Горького — это «любовь сквозь ненависть». Жизнь устроена так дьявольски искусно, что, не умея ненавидеть, невозможно искренно любить, писал А. М. Горький.

В его социалистическом гуманизме — утверждение сильного, мужественного, настоящего человека на земле, благородные черты и качества которого раскрываются только в людях труда, в их непримиримой революционной борьбе.

В необозримой галлерее образов, рисующих трудовой народ, Горький показывал, как живуча у простого человека присущая ему любовь к труду, как труд облагораживает человека, подымая его на высоту творческого разума.

Великий русский писатель Максим Горький, как никто другой в мировой литературе, понимал великое значение труда, образующего все ценнейшее, все прекрасное в этом мире.

И в беспощадном счете капитализму, который предъявил он своими произведениями, самое гневное обвинение заключается в том, что капитализм отнимает у трудового народа не только родину, человеческое достоинство, но и «героическую поэзию труда», «восторг делания» и превращает труд в страдание, в проклятие, в источник

наживы и барыша для тунеядца и эксплуататора.

Отрыв от творческого труда, паразитарное существование тунеядца разрушает в нем самом человеческую личность, и в образах вчерашних хозяев жизни в царской России Горький показывал, как все эти макины, артамоновы, бугровы теряют все черты и свойства нормального человека. Произведения М. Горького с огромной силой изображают этот процесс вырождения из рода в род, из поколения в поколение. Маниакальная жажда наживы, патологическое себялюбие, опустошенный индивидуализм — вот страшный душевный мир, который своими зловещими чертами выступает в обобщенном портрете капитализма, нарисованном Горьким.

Художественное слово Горького неотделимо от его страстной речи публициста. Жизнь его и творчество — органическое единство.

В годы первой русской революции, которую царское правительство при помощи золота банкиров и мировой реакции утопило в крови, Горький впервые лицом к лицу столкнулся с западным капиталистическим миром, с империализмом Америки. Преступление перед человечеством, вся кощунственная ложь капитализма, против которого с такой страстью боролся Горький в России, выступили перед его глазами в странах хваленной западной цивилизации во всей своей звериной неприглядности.

В 1906 году А. М. Горький предпринял поездку по Америке со словом правды о русской революции, и прежде всего на себе самым вопиющим образом циничную мерзость американского империализма, прикрытую ханжеством буржуазной морали, лживыми словами о «демократии», о «презловутой американской «свободе личности» и «свободе слова» в стране доллара. «Город желтого дьявола» — так назвал он Нью-Йорк, в котором увидел мир непримиримых, кричащих, потрясающих противоречий.

Не раз возвращался Горький в своих очерках и статьях к американскому империализму.

В 1929 году в ответ на анкету американского журнала он писал, что американская цивилизация — это самая уродливая цивилизация нашей планеты, потому что она чудовищно преувеличила все многообразные и позорные уродства европейской цивилизации.

С омерзением перечислял Горький «великих людей», созданных практикой буржуазии в XIX и XX веках, плеяду авантюристов, международных жуликов и хищников, всех этих стинесов, крейгеров, фордов, некоронованных «королей промышленности», которые намного страшнее и преступнее любого коронованного преступника.

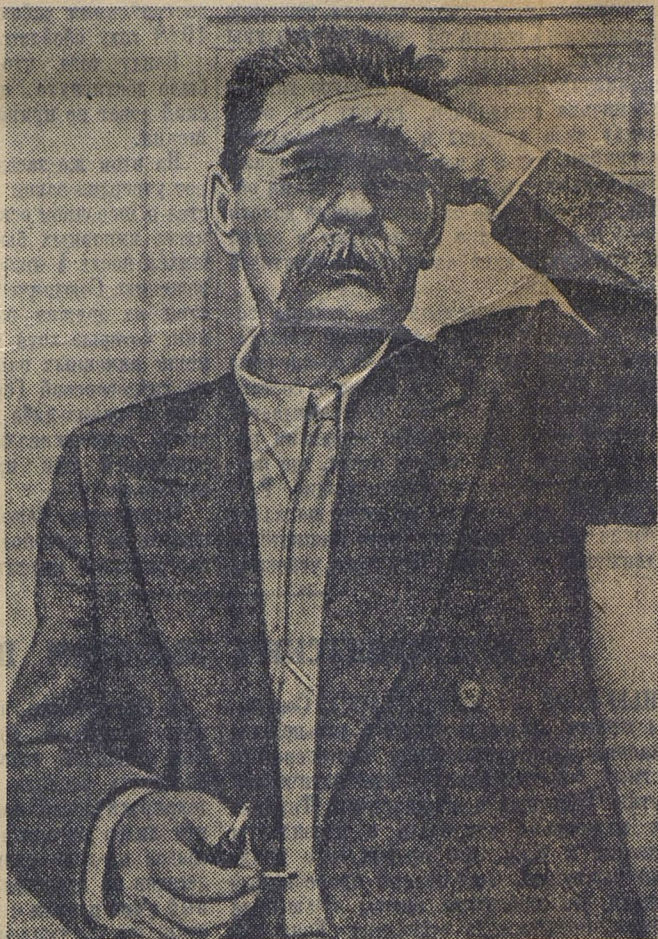
«Комшарная фигура Пирпонта Моргана не имеет равной себе в прошлом, если забыть об одном древнем царе, которому заглянула распылавленным золотом», — говорил А. М. Горький.

Безумие стяжательства, ненависть к трудовому народу заменили для

этих вырожденцев все страсти и чувства живого человека.

«Вот, например, Уинстон Черчилль, он, конечно, уже не человек, — писал Горький, — а что-то неизмеримо худшее, он — весьма характерен как существо, у которого классовый признак выражен совершенно идеально, в форме его консерватизма и звериной ненависти к трудовому народу Союза Советов».

В своей борьбе с империализмом и международной реакцией Горький, вооружен-

ный ленинско-сталинским учением, обладал хитрым и полым механизмом, при помощи которого ничтожные «60 семейств» подчиняют себе миллионы трудящихся, целые народы. Он разоблачал не только верхушку Уолл-стрит, правительства буржуазных стран — послушных приказчиков международной банды банкиров — и лакеев от «социализма», но и буржуазную интеллигенцию самых различных специальностей и профессий, которая, предавая народ, по дешевке продает морганам, тафтам и урвартам за крохи с банкирского стола свой творческий разум, свои умения и знания.

«С кем вы, мастера культуры?», — гневно спрашивал Максим Горький, показывая, во что выродился буржуазный гуманизм, каким бесчеловечным целям служит буржуазный ученый, писатель, журналист, торгующий своей совестью, или в лучшем случае не желающий задуматься над тем, кому и чему он служит.

«В области науки буржуазно интересуют приемы и методы наиболее удобной, дешевой эксплуатации физических сил рабочего класса; наука для буржуа существует настолько, насколько она способна служить целям его обогащения, регулировать деятельность его желудочно-кишечной сферы и поднимать его половую энергию развратника».

С беспощадной прямотой вскрывал А. М. Горький основы буржуазной нравственности и морали, которой ханжески прикрывает мир хищников свои истинные цели.

Неутомимо разоблачал Горький продажность американской и западной прессы, способной по заданию своих хозяев на любую ложь, клевету, преступление против народа и в первую очередь против страны социа-

лизма, где народ стал хозяином своей судьбы.

В последние годы своей жизни Горький работал над эпопеей «Жизнь Клыма Самгина». В образе русского буржуазного интеллигента, в его опустошенной дотла душе, в жалком конце этого вырожденца со всей обобщающей силой искусства А. М. Горький показал самгинизму, явление капиталистического строя, показал бесславный и страшный конец, к которому не может не привести отрыв интеллигенции от народа, культ зоологического индивидуализма и себялюбия, циничная философия «спокойной жизни» вдали от народной борьбы.

Слово Горького неотделимо от его дела. Отдавая всего себя строительству социалистической культуры на своей Родине, до конца своих дней он выступал как организатор борьбы с международной реакцией, как инициатор ряда антифашистских конгрессов. Но громкий голос Горького звучал в посланиях и приветствиях этим съездам в Амстердаме, в Чикаго, в Париже. Горький предупреждал о грозной опасности фашизма, этой «премертвой судороги буржуазии», он на весь мир говорил о преступлении против человечества, которое готовится в тайниках буржуазных дипломатических канцелярий «королями» пушек, нефти, стали. Он предвидел характер грядущей войны. Он знал, что международная реакция, американские, английские и французские банкиры спускают с цепи немецкий фашизм прежде всего против Страны Советов. Опасность была грозная, но Горький был убежден, что советский народ не только выйдет победителем из этой схватки с фашизмом, но и станет освободителем человечества.

Горький учил трезво оценивать силы врага. Но вместе с этим он неутомимо показывал своему народу во враге «существо низшего типа», дегенерата, физического и морального вырожденца. Страстные речи Горького вызвали омерзение и ненависть к империализму.

Негодующие его слова, раскрывающие черное дело международной реакции и фашизма накануне второй мировой войны, не потеряли всего своего значения и сегодня.

Как грозное предупреждение для свободлюбивых народов звучат и сегодня горьковские слова о том, что современные национальные группы банкиров, фабрикантов оружия и прочие паразиты готовятся к новому бою за власть над Европой, за свободу грабежа колоний и вообще грабежа трудового народа.

Гневным напоминанием буржуазной интеллигенции звучит и сейчас вопрос Горького: «С кем вы, мастера культуры?».

И так же, как накануне первой мировой войны, голос Горького вселял уверенность у честных людей труда и передовой интеллигенции в окончательном торжестве дела коммунизма, в победе дела Ленина и Сталина, так и сейчас, вчитываясь в горячие слова Горького, советский народ вместе с трудящимися стран народной демократии спокойно продолжает дело строительства новой жизни, готовый к такому же сокрушительному отпору международной реакции, какой дал советский народ немецкому фашизму.

Великий сын великого народа, Максим Горький восторженно приветствовал грандиозные успехи Родины, на просторах которой кипит молодая энергия миллионов людей, творящих социализм. Алексей Максимович был вдохновенным патриотом этой «прекрасной, богатейшей, огромной счастливой страны».

Неутомимый борец за счастье трудовых людей, Горький писал о том, как «радостно жить и бороться в стране, где великая мудрость партии и железная воля ее вождя Иосифа Сталина навсегда освобождают человека от проклятых навыков и предрассудков прошлого».

Н. ВЕНГРОВ.

Встреча в Сорренто

Бывают события, память о которых сохраняется на всю жизнь. Свежесть их впечатлений не тускнеет от времени.

Со дня моей встречи с Алексеем Максимовичем Горьким прошло почти четверть века, но до сих пор я представляю ее себе столь ярко и отчетливо, словно все это произошло вчера.

Наша встреча состоялась в Сорренто, где тогда дежурил великий писатель. Случилось так, что мы не только повидали Горького, но и целых шесть часов провели в кругу его семьи.

В середине сентября 1925 года два советских эскадренных миноносца (на одном из них я служил командиром БЧ-III) покинули Севастопольскую бухту и вышли в открытое море. Это был первый заграничный поход советских кораблей Черноморского флота. Они шли с ответным визитом в итальянские воды.

После недолгой стоянки в Неаполе мы уже собирались возвращаться в родной Севастополь, как вдруг неожиданно получили сообщение, что завтра утром группа моряков поедет в Сорренто к Максиму Горькому. В числе счастливых оказался и я.

Легко себе представить, как разволновал мы при мысли, что увидим Горького. Настоящего, живого Горького, автора «Песни о Соколе» и «Буревестника». В памяти возникали образы бессмертных горьковских творений — смелый Сокол, вступающий в битву с врагами, отважный Данко, вырывающийся из груди горящее сердце, чтобы осветить людям, изнемогающим во мраке, революционер Павел Власов.

Едва показался рассвет, все мы были уже на ногах. Извлекли из чемоданов свои лучшие костюмы, тщательно отгладили их, до блеска почистили ботинки.

На пароходе прибыли в Сорренто. Тут неожиданно выяснилось, что у нас нет адреса Горького.

Но стоило только назвать имя великого писателя, как наелся провожатый. Это был смугловатый мальчик, сын местного рыбака.

— Я очень хорошо знаю Горького, — сказал он, — читал его сказки. Наши ры-

баки любят синьора Горького и часто навещают его дом.

Следом за мальшом по узким улочкам Сорренто к выходу из города. Ровная асфальтированная дорога вела к двухэтажному каменному дому на возвышенности.

— Там и живет синьор Горький, — сказал мальчик, указывая рукой.

Мы прибавили шагу, но, подойдя поближе, в нерешительности остановились у калитки. Мы знали, что Алексей Максимович серьезно болен, и думали, удобно ли сейчас нарушать его покой.

Наше раздумье прервал голос, раздавшийся из глубины сада.

— Ну и землячки-морячки, нечего сказать: пришли проводить старика, а ждут особого приглашения. И не стыдно вам, товарищи?

Это был Максим Горький. Он шел навстречу к нам, добродушно улыбаясь, такой простой и сердечный.

— Заходите, заходите, рад вас видеть, — оглядывая поочередно каждого, говорил он радушно. — Настоящие моряки: молодые, красивые, статны. Небось, не одна итальянка заглядывалась на таких орлов.

Одет Горький был весьма просто — белая косоворотка, заправленная в брюки, на ногах — легкие туфли. Задумчивость его обращения быстро вывела нас из состояния робости. Мы почувствовали себя, как в родном доме, и наперебой стали рассказывать ему о цели нашего плавания в Италию, о путевых приключениях, о встречах в Неаполе. Он слушал внимательно, улыбался.

— Чего же мы стоим? — вдруг спохватившись, сказал он. — Идемте скорее в дом. Наверное, устали с дороги, отдохнуть, подкрепиться надо.

И, обняв нас, торопливо повел к парадному подъезду.

— Примиай гостей, — весело произнес он, обращаясь к жене, показавшейся на балконе. — И каких гостей, наших советских моряков!

Выбежал сын Горького, Максим, высокий, загорелый молодой человек, во многом напоминающий отца. Он очень обрадовался нашему появлению.

Всей компанией направляемся в дом.

Проходим в столовую, большую светлую комнату, обстановку довольно скромно — в середине широкий стол, накрытый скатертью, по бокам венские стулья, в правом углу мягкий кожаный диван. На окнах вдоль стен — цветы; цветов много, приятная свежесть и чудесный запах исходят от них.

Горький заботливо усаживает нас и тут же засыпает вопросами:

— Ну, как там у нас, в России? Какие новости? Как работаете, строите?

Горький слушает сосредоточенно, стараясь не пропустить ни одного слова. Он следит за выражением наших лиц. Кажется, что он сейчас читает наши мысли.

Иногда вскакивает два-три слова, одобрительно покаявая головой:

— Добре, очень хорошо...

Мы рассказываем ему о флоте, о том, что страна решила в кратчайший срок построить мощный Военно-Морской Флот, достойный нашей Родины. Эскадренные миноносцы, на которых мы прибыли в Италию, восстановлены в рекордный срок рабочими Николаевского завода.

Горький спрашивает, как выглядят эти корабли, чем вооружены, какова их боеготовность. Отвечаем, что корабли отличные, оснащены новейшей техникой, что плавать на них — честь и гордость для моряка.

Горький встает, делает несколько шагов по комнате и говорит:

— Хорошо, мудро поступает наша советская Россия, создавая мощный флот. Мы живем в атмосфере ненависти к нам со стороны империализма. Чувствуя свою неизбежную гибель, враг пойдет на любую авантюру. Нам нужны сильная армия и флот. И чем скорее мы создадим их, тем лучше. Владимир Ильич всегда подчеркивал это, а он был велик и мудр.

Возникает беседа о Ленине. Мы рассказываем, как тяжело было нам потерять его, какую великую скорбь вызвала его смерть в народе.

Писатель становится задумчивым, ласковые, живые глаза глядят куда-то вдаль. Но вот он закрывает их, и на щеку падает крупная слеза.

Горький быстро встает и проходит в спальню. Мы понимаем, что ему очень тяжело, — ведь Ленин был его лучшим другом и учителем.

Алексей Максимович возвращается через минуту, на ходу торопливо прятая в карман носовой платок и просит продолжать прерванный разговор.

Беседа возобновляется. Мы рассказываем о клятве Сталина над гробом Ленина, о том, что Сталин поклялся никогда не сворачивать с пути, начертанного Лениным, и привести страну к победе социализма.

При упоминании имени Сталина лицо Горького светлеет и обретает прежнее выражение радости.

— Я знаю Сталина, — говорит писатель, — он так же мудр, как Ленин, он смело поведет народ по пути Ленина.

Горький приглашает нас к столу.

Нам наливают по большому бокалу вина. Мы вопросительно смотрим на Горького.

— С удовольствием выпил бы, да не могу, — говорит Алексей Максимович, — врачи разрешают пить только это... — Он достает бутылку и наливает в стакан что-то пенно-белое, кажется кефир, смешанный с яичными белками.

— За встречу! — произносит Горький, и мы дружно осушаем бокалы.

— Алексей Максимович, — говорю я, — а мы с вами давно знакомы.

— Разве? — он внимательно всматривается в мое лицо.

— Даже очень давно. Впервые я познакомился с вами десяти лет от роду, через вашего «Челкаша».

— Ах, вот как! — смеется Горький. — Как же, помню такого.

— А потом, — продолжаю я, — встречал вас на курсах командного состава в Ленинграде. Вы тогда на лекции по литературе читали. Помните, как я распрямил вас о дальнейшей судьбе Челкаша?

— Постояте, постояте, — говорит Горький, — а ведь верно, припоминаю.

И сам начинает рассказывать некоторые подробности.

Его удивительная память вызывает у всех восхищение.

Беседа становится еще более оживленной. Горький говорит с большим подъемом о задачах советских литераторов, которые должны ярко показать процесс становления нового, советского человека, его характера, воли, великую преобразующую силу труда, мудрость партии большевиков, ведущей страну по пути дерзновенной мечты к вер-

шинам человеческого счастья — к коммунизму...

Время шло. Наше посещение затянулось уже на несколько часов. На лице Горького заметно выражение усталости, а мы готовы слушать его до бесконечности. Алексей Максимович встал, закурил папиросу и пригласил нас ознакомиться, как он говорил, с его «хоромами».

Он повел нас по комнатам. Одна из них привлекала особое внимание. Это был рабочий кабинет великого писателя. Большая комната, выходящая на балкон в сторону фруктового сада. Вся наружная сторона застеклена. В комнате много света, солнца, тепла. Обстановка скромная — письменный стол, мягкое кресло и вдоль стен шкафы с книгами. Книг много, они заполнили почти всю комнату.

На столе стопы рукописей. Мое внимание привлекла одна из них. На титульном листе характерным горьковским почерком были выведены слова — «Жизнь Клыма Самгина, часть 1-я». В рукописи сотни страни.

Горький пояснил:

— Мой новый роман. Задумал показать большую историческую эпоху, охватывающую все три революции.

И, секунду помолчав, добавил:

— Чтобы любить настоящее и верить в завтра, надо хорошо знать прошлое.

В кабинет внесли свежую почту. Что-то только в ней не было! Письма, открытки со штемпелями разных городов мира, газеты, журналы, рукописи начинающих авторов. Среди газет оказалась даже наша флотская — «Красный черноморец». Мы были искренне удивлены, узнав, что писатель лично сам просматривает всю эту многочисленную корреспонденцию.

Закончив ознакомление с домом, направился в сад и здесь сфотографировались вместе с Алексеем Максимовичем.

...Уходили мы от Горького уже под вечер. Соррентийский залив, окрашенный в темнокрасный цвет заходящего солнца, был необычайно красив. Вокруг стояла тишина, и только изредка ее нарушал отдаленный шум прибоя.

Мы покидали Сорренто, навсегда сохраняя в памяти живой образ великого соотечественника.

Контр-адмирал А. ЗАОСТРОВЦЕВ.